

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОВЕСТИ Л. БОРОДИНА «ЦАРИЦА СМУТЫ». ПОЭТИКА. ДОМИНАНТНЫЕ ИДЕИ*

Аннотация: В статье выявляются исторические, фольклорные источники повести Л. Бородина «Царица смуты», анализируется поэтика. Отмечается плотность прозы, диалог писателя с насыщенным культурным пространством, опора на исторические, фольклорные источники, исследования, библейские сюжеты и образы в акцентировании доминантных идей повести о смысле жизни и назначении человека во все времена, его «самостоянья». Сложные дискурсивные уровни повествования характеризуются как синтетические. Отмечается, что в выявлении этической позиции автора повести значительная роль отводится реальным историческим персонажам Сапеге и Скопину, также вымышленному персонажу Олуфьеву. Характеристика системы персонажей дается с привлечением исследований Нобелевского лауреата А. Солженицына из его «Литературной коллекции», также известного критика А. Немзера.

Ключевые слова: повесть, поэтика, фольклорные источники, библейские сюжеты.

Повесть Л. Бородина «Царица смуты» отображает драматический период в истории России, ее основой послужили факты истории 17 века, связанные со Смутным временем. Сюжет повести построен на событиях 1613 года, когда Марина Мнишек, считающая себя законной царицей и не признающая отречения 1610 года, вместе с казачьим отрядом атамана Ивана Заруцкого, бежит на юг, к Астрахани, к Яику. В изложении исторических событий Бородин следует за Н.М. Карамзиным, как и А. Пушкин в «Борисе Годунове», отступает от фактической стороны «Истории Государства Российского», вводит вымышленные лица, в действительности не существовавшие. Через ретроспективный план, воспоминания, внутренние монологи героев воспроизводится общий ход истории, показано воздействие исторических событий на судьбы людей, изображается их внутренний мир, тревоги и заботы, ценностные установки.

Авторское повествование в «Царице Смуты» перемежается повествованием персонажей-рассказчиков, которые не столько совершают что-либо, сколько вспоминают о прошедшем, размышляют о происходящем на их глазах. В текст повести вкрапливаются стихи, элементы эпистолярного стиля, выдержки из подлинных писем, приводятся народные сказания, легенды, реминисцируются фрагменты из научных исторических исследований. *Все эти сложные дискурсивные уровни позволяют характеризовать повествование в «Царице смуты» как синтетическое.*

В повести сложная система персонажей, как вымышленных, так и исторических, ярко индивидуализированных, обладающих определенностью мироотношения, сознания, поведения. В выстраивании событийного ряда, в выявлении этической позиции автора значительная роль в «Царице смуты» отводится реальным историческим персонажам Сапеге и Скопину, образы ко-

* © Серафимова В.Д.

торых построены на антитезе. Образ коварного и жестокого Сапеги, бывшего усвятского старосты, дан в основном через воспоминания вымышленного персонажа Олуфьева: «Сапега, о московском престоле подумывая, два года кому только не изменял, с кем не союзничал, сколько крови христианской пролил, сколько земель на Руси разорил, но дошел-таки до Кремля ... Там и помер. Разве ж это можно понять? И как не содрогнуться?» [1] (курсив. – В.С.). Марина Мнишек вспоминает о Сапеге как о «новом соподвижнике царя Дмитрия», отбившем ее обоз, под конвоем направляющийся в Польшу [2].

Исторические источники этого эпизода, образов Сапеги, Заруцкого, географических названий Любеницы, Тушино находим в «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина, у современного историка Г. Соколова. «К лету 1607 г. разнесся слух о появлении чудом спасшегося от рук заговорщиков Дмитрия. Это был уже Лжедмитрий II, обосновавшийся в подмосковном селе Тушине и впоследствии прозванный «Тушинским вором». Вскоре его власть признали почти все окружавшие Москву города. (...) Василий Шуйский, не желая обострять с ним отношений, решил отпустить на родину ярославских узников. (...) отец и дочь под конвоем были отправлены в Польшу. Однако недалеко от границы, у деревни Любеницы, пленники были отбиты у конвоя польским отрядом, посланным тушинским самозванцем на перехват царицы. Их повезли в Тушино» [3] (курсив. – В.С.). В «Истории Государства Российского» персонаж повести Бородин Ян Сапега характеризуется как «неприятель для россиян», пытающийся поживиться во время Смуты, разграбить богатства Сергиевой Лавры, оскорбляющий православную веру [4].

Мотив «безуспешной осады» Сапегой Троицкого монастыря развернут в «Царице смуты» в воспоминаниях Олуфьева о своем пленении, сожалеющего, что из-за болезни упущена им последняя возможность «выправить судьбу»: «Изрубили его людей, самого пленили и доставили Сапеге в Дмитров, куда тот отступил от Троицкого монастыря по причине безуспешности осады сего бастиона православной веры» [5] (выделено. – В.С.). Описание мужества защитников святой Обители с гробом Святого Сергия находим в «Истории Государства Российского»: «Воеводы решились уничтожить опасный замысел Сапеги. Два случая ободрили их: меткою стрельбою им удалось разбить главную Литовскую пушку, которая называлась *Трещерою*, и более иных вредила монастырю. Другое счастливое происшествие уменьшало силу неприятеля: 500 казаков Донских, с Атаманом Епифанцем, устыдились воевать святую Обитель и бежали от Сапеги в свою отчизну» [6] (курсив. – Н.М. Карамзина).

Антагонистом Сапеги в повести является Скопин, реальное историческое лицо, племянник царя Василия Шуйского. Бородин выявляет нравственную суть своего героя Скопина в соответствии с фольклорным и документальным осмыслением этого образа. В «Царице смуты» Скопин характеризуется как «спаситель» земли Русской от Самозванца: «Шведов перекупил, тушинского вора и Сапегу теснил, в Москву вошел спасителем под благодарный плач народный» [7]. Таким предстает Скопин в новейших научных исследованиях о Смутном времени. Р. Скрынников отмечает: «Татищев и Скопин были самыми решительными и отважными среди заговорщиков, свергших Расстригу» [8]. Упомянутый в повести Бородин образ Басманова имеет также документальную историческую основу. Описывая «страшный набат, гремевший со всех московских колоколен» в утро 17 мая 1606 г., М.Д. Хмыров называет

и Басманова, «в отчаянии» вбежавшего в спальню «Разстриги и Марины» с криком «Все кончилось! Москва бунтует; хотя головы твоей: спасайся» [9]. «Лучшим и преданнейшим слугой Самозванца» называет П.Ф. Басманова В.О. Ключевский [10]. В исследовании Г. Соколова воевода Петр Басманов предстает также «изменником» земли Русской, «преданным Самозванцу» [11].

Скопин, характеризующийся в «Царице смуты» «спасителем», также воспринимается «спасителем Великого Государства Российского» в фольклорных песнях. В исторических песнях 17 века Скопину посвящены два стиха – «Михаил Скопин» и «Оплакивание Михаила Скопина». В них высказана любовь и благодарность историческому герою за верность православным обычаям, за наведение порядка на Руси. Скопин именуется «ясным соколом», воспеваются его удали и мужество в походах. «Он очистил царство Московское / И велико Государство Российское». За ратные подвиги Скопина народ ему «про весь православный мир» «велику славу до веку поют» [12] (выделено. – В.С.).

Важным, на наш взгляд, является *вымышленный персонаж* в повести «Царица смуты» Олуфьев. Функция этого персонажа верно определена А. Солженицыным в «Литературной коллекции»: «персонаж, важный не сам по себе, но возможностью диалогов с Мариной, обдумыванием ее судьбы с достаточно высокой точки зрения, еще один взгляд на нее, еще одно истолкование, как бы форма конфидента» [13].

В уста Олуфьева Бородин вкладывает свои мысли о смуте, возникающей, как это убедительно показано в повести, *из-за вражды людей и несущей смерть и разрушение*. «С кровью людской, со стенаниями и проклятиями повязана смута, с разбоем и воровством. Еще, правда, с надеждами страстными... Только надежды в душах, а кровь и злодейство – потоком по всей земле» [14] (курсив. – В.С.). Олуфьев – боярин знатного рода, «от Рюриковичей и Гедиминовичей начало ведет», его предки «Орду воевали». Считающий себя «воином», «корысти в смуте не искавшим», Олуфьев, как он сам сознается в исповедальных монологах, «прибился к Марине», решив стать «при Марине рыцарем-опекуном». Таким рыцарем воспринимает его в своих размышлениях и сама Марина – «Олуфьеву же любую тонкость доверить можно, даже если и обманут, зато не купят, верно будет блюсти интересы Москвы» [15]. Самоосуждение Олуфьева, упрек себе – «мог бы прозорливее осматриваться вокруг» – слышатся во внутреннем монологе героя, в котором важную роль играет оценочный эпитет «славное дело» при упоминании о реальных исторических деятелях Шейнине и Пожарском [16]. Примечательно то, что образ Олуфьева, устами которого, на наш взгляд, часто говорит сам автор, дан в развитии. Олуфьев осуждает себя за участие в неправом деле, *видит «порушение порядка» «в наглой дерзости польского выкормыша»* [17]. Выражение «польский выкормыш» для характеристики Самозванца, прозвучавшее во внутреннем монологе Олуфьева, отсылает к «Курсу русской истории» К.О. Ключевского: «Винили поляков, что они его подстроили; но он был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве» [18].

В суждениях Олуфьева, в его желании спасти Марину, трезвой оценке ее деяний («Не простят тебе бояре смуты, разбой казачий да поляков»), во внимании к словам инока, «сподобившегося прозрению», «исповедовавшегося у Дионисия Троицкого», обнаруживается концепция произведения – **связать прошлое и современность, актуализировать онтологические вопросы бытия.**

Самым существенным в беседе Олуфьева с иноком *становится вопрос о нравственной ответственности человека за свои поступки. «Разумения»* инока раскрывают авторскую концепцию об истоках смуты, причинах трагичности судьбы человека, *«впавшего в соблазн греховный»*, и причинах трагичности судьбы Мнишек. Бог, в «разумении» инока, «всеблаг». «В скорби величайшей отворачивается Он от грешника и попустительствует тем Промыслителю, бывшему любимому ангелу своему, но в гордыне ушедшему от лика Божьего за спину Его (...) Нынче ж, во времена смутные, весь народишко в соблазн греховный впал, и отвернулся Господь от земли русской».

Наделяя Олуфьева такими рыцарскими качествами, как «верность» слабой и хрупкой женщине (*«...эта маленькая женщина одна только и стоит того, чтобы служить ей верой и правдой»*), Бородин передоверяет своему герою-рассказчику развенчать *«главную хворь души»* Марины, к *«погибели ведущую и ее»*, и окружающих, говорит об ответственности человека за выбор пути, развивает пушкинскую непреходящую идею о *«самостояньи человека»*. Примечательно и то, что итоговые размышления вымышленного персонажа Олуфьева относительно Марины произносятся им после **ключевой в повести беседы с иноком**, а автор подчеркнет их весомость выразительными тропами **«трезво и здраво»**. «Тогда еще (когда *«переметнулся»* к Марине. – В.С.), правда, не знал главную хворь души ее – упрямство, ослепляющее разум, к погибели ведущее и ее, вразумлению недоступную, и всех, кто судьбу свою повязал с ней...» [19] (выделено. – В.С.). Голос Олуфьева *«соединяется в одном высказывании»* с голосом инока в *«двуголосом слове»* (М. Бахтин), поэтому этим двум персонажам – Олуфьеву и иноку – автор уделяет пристальное внимание, **прослеживает их путь прозрения**.

Создавая образ Марины Мнишек в повести «Царица смуты», Бородин вступает в диалог с насыщенным культурным пространством, с толкованием реального исторического лица, о котором говорится в научных исторических исследованиях, в фольклоре, в исторических песнях 17 века, к образу которой прибегает А.С. Пушкин, М. Цветаева, К. Бальмонт, М. Кузмин, М. Сандомирский, Б. Пильняк, А. Дюма, в наше время Н.М. Молева в историческом романе «Марина Мнишек», В. Козляков в недавно вышедшей книге в серии ЖЗЛ «Марина Мнишек», и сохраняет личное отношение к своей героине.

Фольклорные песни 17 в. посвящены борьбе за преодоление Смуты, приведшей к общему ослаблению государства Российского, активизации его противников. Смута неоднократно осмысливается как *«грозный Божий гнев / За православную Русь»*, Гришка Отрепьев именуется *«изменником»*, *«басурманом»*, *«Расстригой»*, *«Гришкой-Расстрижкой»*, Лжедмитрий II именуется *«вором-собачушкой»*, *«царем несчастливым»* (Песни «Плач Ксении Годуновой», «Лжедмитрий второй», «Борис Годунов», «Гришка-Расстрижка»). Марина Мнишек предстает в фольклорных песнях как *«меньшая дочь пана Юрья Сердобольского»*, реального сандомирского воеводы Юрия Мнишека, *«творящая блуд с Гришкой Расстрижкой»*, женившегося на Марине 8 мая 1606 г. в Николин день, весьма чтимого на Руси христианского праздника, пришедшего в тот год на постный день пятницу. В песнях выражено резкое осуждение Самозванца и Мнишек, попирающих правила русской церкви и православные традиции: *«Они свадьбу сыграли в Филиппов пост, / Венец принимали в Миколин день – / Миколы – то было в пятницу. / Дошло-то это время до Вели-*

кого дня, / До Великого дня, до Христова дня. / У того ли у Ивана Великого / Ударили в большой во колокол: / Все князьи-бояра к обедне пошли, / Ко тыя Христоськой заутрени, – / Вор Гришка-Расстрижка во мыльню пошел / Со душечкой с Маринушкой со Юрьевной. Все князи-бояре Богу молятся, – / Вор Гришка-Расстрижка в мыльны моется, / С душечкой со Маринушкой блуд творит» [20] (курсив. – В.С.).

В повести о Марине Мнишек Бородин вступает в полемику с национальным мифом о злой чаровнице русского фольклора, какой предстает Марина Мнишек у **М. Цветаевой**. В цикле Цветаевой «**Марина**» (1921) образ Мнишек предстает неоднозначным, он построен на противопоставлении: Марина – любящая, самоотверженная героиня, плод романтического вымысла поэта («*Быть голубкой его орлиной!...*», «*– Сердце, измена!...*»), – и Марина – как расчетливая, честолюбивая авантюристка («*Трем самозванцам жена...*», «*Грудь ваша благоуханна...*»). В исторической Мнишек Цветаева осуждает своекорыстие, забвение истинно женского начала – бескорыстной любви, материнского начала: «*...своекорыстная кровь! / Проклята, треклята будь, / Ты – Лжедмитрию смогшая быть Лжемариной* [21] (курсив. – В.С.).

Неоднозначным предстает образ Марины и в «Царице смуты». Марина в повести Бородина предстает и гордой, и умной, и хладнокровной, и слабой, и смелой, и заблуждающейся в своих оценках и поведении, и сострадательной, честолюбивой, и жестокой. В отражении ее характерной черты – *чрезмерной гордости* – Бородин, вслед за Пушкиным, подчеркнет внешнюю красоту своей героини. Примечателен и тот прием в повествовании, к которому прибегает автор. Напряженно размышляя о конфликтных ситуациях, Мнишек самораскрывается. В самораскрытии героини решающее значение имеют ее *внутренние монологи*, характеризующие ее как честолюбивую, расчетливую авантюристку, вступившую в сговор с теми, кто видит в ней «*козырную карту*», какой она предстает и в трагедии **А. Пушкина** «**Борис Годунов**» (1824) [22].

Марина Мнишек в повести Бородина видит себя «*козырной картой*» в руках польского короля и отца, делающих на нее ставку – «*привести*» русский народ «*в лоно римской церкви*». Русский народ для Мнишек – «*дикий народ*», который она, как ей мнится, в сила «*просветить истинным вероучением*», а Россия – «*оплот православной ереси в мире*» [23].

Бородину удается показать *сложный, неоднозначный характер* Марины Мнишек. С явной симпатией показывает он Марину в общении с природой, ее преобразование на острове, «*на длинной песчаной косе*» («*Ни дворца, ни крепости – простой избы рубленой достаточно, и уже почувствуешь себя как прежде, как всегда – в Божьем мире и повторишь вслед за Господом: Как хорошо*»). С явной симпатией к своей героине показывает писатель ее в русской бане; простой и естественной изображает автор повести свою героиню в общении с сыном. Нежность и горечь от несостоятельности человека, не умеющего отличить истинные ценности от ложных, звучат в описании писателем размышлений Марины о сыне. «*Еще тревожит Марину состояние сына. Нет более крикливого озорника и проказника, страшная детская тоска поселилась в его очах*». Щемящей до боли сердца предстает в описании писателя-гуманиста сцена страданий Марины, ее мук, уже на грани безумия осознавшей гибель сына: «*Сыно-о-чек мо-о-й! Ивашка, Иванко, Янко! Сы-ы-ын! Дите мое! Госпо-ди!*». Марина может проявлять жалость, и присутствовать на пытках, и

давать приказы убивать. Как полемику с цветаевской «Лжемариной» можно толковать фрагмент бородинского текста с «отрубленной головой» «тушинского царя» Лжедмитрия II, обнаруживающий способность Марины сострадать, проявлять сочувствие, привязчивость, «нежность к покойнику», «чисто бабски», в ее собственной оценке». Эпизод дан в воспоминаниях Марины, поэтому отличается особой искренностью [24].

Отметим, что процитированный фрагмент бородинского текста с яркой художественной деталью «отрубленной головы», символизирующей Смутное время, имеет прямым источником «Историю Государства Российского» Карамзина, повествующую о «бегстве из Тушина» Лжедмитрия в Калугу. «Князь Ногайский Петр Араслан Урусов выехал с Самозванцем на охоту», «в месте уединенном прострелил его насквозь пулею, сказав: «я научу тебя топить Ханов и сажать Мурз в темницу», отсек ему голову, и с ногами ушел в Тавриду, прославив себя злодейским истреблением злодея, который едва не овладел обширнейшим царством в мире, к стыду России не имея ничего кроме подлой души и безумной дерзости» [25] (выделено. – В.С.).

На документальной основе показаны в повести «Царица смуты» и такие характерные черты Марины, как бесстрашие и мужество, умение владеть собой в трудных ситуациях. Эпизоды в книге Бородин с описанием бесстрашия Марины имеют источником «Историю Государства Российского», где повествуется об осаде Дмитрова. «...Марина, пользуясь смятением, явилась между воинами с растрепанными волосами, с лицом бледным, с глубокою горестью и слезами; не упрекала, но трогала видом и словами; убеждала не оставлять Димитрия». Такие характерные художественные детали в описании Мнишек как «пистоль в руке», «гусарский костюм», «Марина в седле», «Марина на коне» основаны на исторических исследованиях. «Не имея совершенного успеха в намерении взбунтовать Тушинский стан, и боясь мести Гетмана, Марина, в одежде воина, с луком и тулом за плечами, ночью, в трескучий мороз ускакала верхом к мужу, провожаемая только слугою и служанкою» [26].

Показывает Бородин и жестокость Марины, присутствующей при пытках, приказывающей ради своего честолюбия вешать и убивать, насаждать страх. Честолюбие Марины, ее нездоровые амбиции, стремление властвовать на Руси ценой бесчисленных жертв убедительно раскрываются в сцене «пытания» ею «монаха-лазутчика», Никиты Долгорукого, незаконнорожденного сына Михаила Долгорукого, ранее служившего в «охране тушинского царя», «переметнувшегося» на сторону «касимовских татар», «погубивших тушинского царя», потерявшего в бою правую руку, затем исповедовавшегося у Дионисия Троицкого. На допросе у Марины он смело говорит о своем «прозрении» – «бес попутал», «душа голос обрела», призывает ее «покаяться» – **И тебе б смиренно покаяться**» [27].

Для характеристики своей героини, ее безмерного честолюбия и высокомерия Бородин использует и *эпистолярный стиль*, приводит фрагменты из писем Марины Мнишек, раскрывающие состояние героини в моменты высшего душевного напряжения. «Жаром гнева вспыхивает лицо» Марины, когда она вспоминает свое письмо королю Сигизмунду, предложившему тушинскому Дмитрию, ее мужу, Самбор, если они откажутся от московского престола. «...Будучи владычицей народов, царицей московской, возвращаться в сословие польской шляхтенки и становиться опять поданной не могу» [28]. Источник

для эпистолярного вкрапления в бородинский текст находим в «Истории Государства Российского» Карамзина: «Она писала к Королю: «Счастье меня оставило, но не лишило права Властительского, утвержденного моим Царским венчанием и двукратною присягою Россиян» [29] (курсив. – В.С.). Документальная основа данного фрагмента письма в повести Бородина «Царица смуты» содержится и в исследовании Н.И. Костомарова «Герои Смутного времени» с текстом письма Мнишек: «Все отняла у меня судьба: остались только справедливость и право на московский престол, обеспеченное коронацией, утвержденное признанием за мной титула московской царицы, укрепленное двойною присягою всех сословий Московского Государства» [30] (курсив. – В.С.).

Жажда величия не позволят Марине использовать последнюю возможность спасти себя и сына, когда в заточении, в «подвальной крошечности» посланный королевичем Владиславом ротмистр Синявский предложит ей написать «отречение полное от притязания на трон московский от себя и сына», «чтобы королевич мог направить ходатайство правителям московским». Пожертвует она сыном ради нездорового честолюбия, хотя и предчувствует «исход» («Известен и мне исход»). Не отрезвят ее упоминания о сыне, сказанные в подвале одноруким монахом Никитой. «О сыне думаете ли, как должно? – А как это должно, по-твоему? – Как о живом, но кому и далее жить надобно, ибо для жизни рожден, а не для смерти... Жизнь дитя первой всего, что родительница для него замыслит и возжелает. Первей прочего обязана жизни способствовать, и грех наитягчайший жизнь дитя в зависимости от удачи ставить...» [31] (выделено. – В.С.).

В диалоге монаха, получившего благословение отца Дионисия, с Мариной Мнишек Бородин показал два мировосприятия, два мировоззрения на смысл человеческой жизни, сделав эти размышления актуальными для всех времен.

Глубокую и верную оценку жизненной значимости, нравственной ценности и поучительности повести Л.И. Бородина «Царица смуты» отметит Нобелевский лауреат А.И. Солженицын в своей серии «Литературная коллекция»: «Повесть зовет к углублению пониманий и обобщений» [32]. По мнению известного критика А. Немзера, книга Бородина написана «не академического интереса ради. (...) Московская Сму́та начала 17 в. проецируется на исторические катаклизмы наших дней и нашего Отечества (...) протягивает нить от Смуты к тем событиям, что ознаменовали начало и конец русского XX века» [33].

О каких бы исторических фактах, реалиях ни писал Л. Бородин, странством, художественным полем для исследования остается человек, его душа. Сюжет о Марине Мнишек можно толковать как еще одно восхождение нашего современника, замечательного писателя к судьбе людей во Вселенной, его доверительный разговор о смысле жизни и назначении человека. «Царицей смуты» назвал писатель свое повествование о Марине Мнишек, сообщая читателю и о главной теме, и о характере героини, и о главной идее, и о конфликте повести, о ее эмоциональной доминанте.

В объяснении эстетических, этических взглядов автора повести «Царица смуты» важную роль в раме произведения, на наш взгляд, имеет послесловие, названное «После слов». Как и положено в эпилоге, повествователь поведает в послесловии о том, как сложились судьбы героев после рассказанных в основной части произведения событий. Пронзительны строки об участии ребенка,

сына Марины, «тайно удушенного», и о Марине, «оставленной дожидать в помрачении разума». В главе «После слов» повествуется и о Маринкиной башне в Коломне, которую упоминает в романе «Волга впадает в Каспийское море» **Б. Пильняк**. Христианским состраданием проникнуты авторские строки: «... не оставила после себя блуждающей тени царица русской Смуты – знать, милостив был Господь к «гордой полячке» и, приняв душу ее в свои бережные длани, даровал ей покой и тихую радость». Как противопоставление несложившейся судьбе Мнишек приводится и судьба «Маринкиного боярина», Олуфьева, ранее «детей не знавшего», видящего в этом «причину маеты» своей («Так вот в чем причина маеты его»). **Жизнеутверждающая философия, авторский взгляд на истинное назначение человека на земле содержатся в вести, несущей светлые мысли о судьбе Олуфьева, сумевшего создать семью, воспитывающего детей:** «...встав на стан у Камышинского острога, получил Леонтьев от казаков Острожских странную весть: будто в верстах пятидесяти вверх по реке Камышенке на земле нагайского мурзы Шакрая живет в отдалении от нагайских станов некий «Маринкин боярин», что при нем татарка некрещеная и дворовый человек русских кровей тоже татарку в женах имеет. Что детей косоглазых у них полон сруб и что ногайцы того «Маринкина боярина» в обиду не дают и всяко покрывают» (курсив. – В.С.).

Л. Бородин – «один из самых христианских писателей», – по верному определению **А.Н. Варламова**, воссоздает в повести «Царица смуты» дух эпохи, ее быт, дает религиозно-философскую и нравственную оценку Марине Мнишек как историческому лицу и обычному человеку, осуждает всем строем повествования и, в первую очередь, устами монаха Никиты, «сподобившегося прозрению», «исповедовавшегося у Дионисия Троицкого», человеческую гордость и жестокость, забвение истинных ценностей.

Список литературы:

1. Бородин Л. Царица смуты. – М., 1998. – С. 40,41.
2. Бородин Л. Царица смуты. – С. 139.
3. Соколов Г. Марина Мнишек // История России. От древних славян до Петра Великого. Энциклопедия для детей. Сост. С.Т. Исмаилова. – М., 1996. – С. 383.
4. Карамзин Н. М. История Государства Российского. – Т. 12. – СПб., 1829. – С. 88.
5. Бородин Л. Царица смуты. – С. 36.
6. Карамзин Н. М. История Государства Российского. – С. 106.
7. Бородин Л. Царица смуты. – С. 40.
8. Скрынников Р. Смутное время. – М., 2005. – С. 495.
9. Хмыров М.Д. Марина Мнишек. – СПб., 1862. – С. 19.
10. Ключевский В.О. Курс русской истории. / Соч.: В 9 т. – Т. 3. – М., 1988. – С. 31.
11. Соколов Г. Марина Мнишек. – С. 384.
12. Исторические песни. Библиотека русского фольклора / Составление, вступ. статья, подготовка текстов и коммент. С.Н.Азбелева. – М., 2001. – С. 118.
13. Солженицын А. Леонид Бородин – «Царица смуты». Из «Литературной коллекции» / Новый мир, 2004. – № 6. – С. 155.
14. Бородин Л. Царица смуты. – С. 31, 35.
15. Бородин Л. Царица смуты. – С. 22.
16. Бородин Л. Царица смуты. – С. 47.
17. Бородин Л. Царица смуты. – С. 39, 37.
18. Ключевский В. О. Курс русской истории. – С. 31.
19. Бородин Л. Царица смуты. – С. 47.
20. Исторические песни. Библиотека русского фольклора. – С. 112.
21. Цветаева М. Цикл «Марина» / Собр. соч.: В 2 т. – Т. 1. / Сост, подготовка текста и

комментарии Анны Саакянц. Минск, 1988. – С. 146-148.

22. Пушкин. А. Борис Годунов // Собр. соч. Изд. исправл. и дополненное / Редакция, библиографический очерк и примечания Б. Томашевского. – М., 1995. – С. 257.

23. Бородин Л. Царица смуты. – С. 123, 125.

24. Бородин Л. Царица смуты. – С. 17, 18.

25. Карамзин Н. М. История Государства Российского. – С. 271.

26. Карамзин Н. М. История Государства Российского. – С. 192, 193.

27. Бородин Л. Царица смуты. – С. 145, 146.

28. Бородин Л. Царица смуты. – С. 140.

29. Карамзин Н. М. История Государства Российского. – С. 189.

30. Костомаров Н.И. Герои Смутного времени. – Берлин, 1922. – С. 118.

31. Бородин Л. Царица смуты. – С. 281.

32. Солженицын А. Леонид Бородин - «Царица смуты». Из «Литературной коллекции». – С. 148.

33. Немзер А. Замечательное десятилетие русской литературы. – М., 2003. – С. 265.

34. Варламов А. Н. Апокалипсические мотивы в русской прозе конца XX века. Автореферат дисс... канд. филол. наук. – М., 1997. – С. 13.

V. Serafimova

DIE HISTORISCHEN, FOLKLORISTISCHEN QUELLEN L.BORODIN «DIE ZARIN DER WIRREN» ZU FÜHREN. DIE POETIK. DIE DOMINANTEN IDEEN

Kurze Inhaltsgabe: Im Artikel geht die Rede über moderne russische Literatur, nämlich, über Prosa von Leonid Borodin, über seine historische Erzählung über Marina Mnischek. Schlüsselworte und Grundwendungen: Inhalt, Idee, Tradition, Folklore lebenswichtige Fragen, Reminiszenzen, ontologische Fragen, historische Helden, Karamsin, Klutschewski, Kostomarov und andere. Grundfragen und Grundprobleme des Artikels: Geschichte und Gegenwart.

Key words: The story, poetics, folklore sources, iconographic scenes.